

Дед Семён и другие

Евгений Чертовских

Рассказы

Евгений Чертовских

Дед Семён и другие. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781202

ISBN 9785005086624

Аннотация

Наша жизнь похожа на листок в клетку. Мы сами выбираем, как идти по жизненному пути, куда пойти на перепутье – прямо, направо или налево.

Содержание

ПОДСВЕЧНИК	5
ПЕРЕГОВОРЩИК	25
ДИСЦИПЛИНА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дед Семён и другие Рассказы

Евгений Чертовских

© Евгений Чертовских, 2019

ISBN 978-5-0050-8662-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОДСВЕЧНИК

– Так, вот это всё выбрасываем? – Семён поставил к стене коридора несколько целлофановых пакетов с разными вещами.

– Да, – ответила жена. – Всё, что я отложила сюда, можно выбросить.

Они уже более двух часов наводили порядок в квартире, доставшейся ему в наследство от родителей.

– Вот, – перебирая папки с исписанными листами бумаги, сказал Семён, – вот то, что надо обязательно оставить. Это ценно.

– Что это?

– Это записки отца. Точнее с казать, это результаты его поисков истоков нашего рода. Смотри, как много написано, – бережно перелистывая лист за листом, Семён пробежал взглядом по строчкам.

– А это что такое? – спросила жена, извлекая из глубины шкафа тяжёлый свёрток.

– Осторожнее разворачивай, может стекло.

– Нет, по ощущениям, металл.

После короткой процедуры из газетного свёртка извлекли металлический подсвечник, местами покрытый ржавчиной.

– Это тоже, наверное, на помойку? – Марина посмотрела в глаза мужу.

– Да нет, подожди, – Семён взял в руки найденный предмет, покрутил, потёр пальцем. – Я, кажется, знаю, что это.

Подсвечник был сделан из трех скрученных металлических стержней. Изогнутые внизу они образовали твердую опору подсвечнику, а вверху замысловатым образом сплетались в лепестки роз. Семён поставил подсвечник на стол, отошёл на пару шагов и внимательно стал его рассматривать. В центре бутона розы торчал острый шип, предназначенный для установки свечи, а что больше всего удивило, так это металлический шнурок, который посередине связывал прутья, создавалось ощущение, что шнурок завязан руками.

– Этот подсвечник сковал мой прапрадед Яков Леонович. Отец рассказывал.

– Значит оставляем.

– Обязательно.

Семён любил вечерами, сидя в полутёмном кабинете, полистать старые журналы, почитать давным-давно прочитанные книги. Вот и теперь, положив перед собой одну из отцовских папок, он уже собрался просмотреть находящиеся в ней бумаги, но вспомнил про подсвечник.

– Вот, что надо!

Пошарив по ящикам секретера, извлёк большую свечу и водрузил её на подсвечник. Поджёг. Он поставил новый источник света на стол и выключил настольную лампу.

– Красота! – произнес, оценив обстановку.

Усевшись поудобней, напротив тёмного окна, начал читать бумаги.

«...Был он высок ростом, широк в плечах, мощные полусогнутые руки свидетельствовали о его недюжинной силе. Несмотря на такую комплекцию, двигался легко, непринужденно, с достоинством. Густые вьющиеся темно-русые волосы, подстриженные под „горшок“ хорошо гармонировали с открытым лицом. Чуть продолговатое лицо, прямой нос, спокойный, пристальный взгляд голубых глаз. Звали его Левонем. Этот могучий человек был немногословен, но его слово было твердым и с делом не расходилось...»

Оторвавшись от чтения, Семен посмотрел в окно, ему показалось, что кто-то смотрит на него из темноты за окном. Пригляделся. Никого.

– Что за чертовщина? Засыпаю что ли? – потёр пальцами виски и встал. Походил по кабинету. Ещё раз посмотрел в окно. Сел за стол и продолжил читать.

«Летом он был каменотесом, вырубал из горы камень и выкладывал из него всевозможные постройки. В зимние месяцы занимался портняжничеством: шил тулупы, полушубки по заказам односельчан. Мастер он был хороший, работы хватало на всю зиму. И еще на удивление всем, Левон умел читать, писать, разбирался в математике. Что для такой глуши, было редкостью...»

– Кто там? – обращаясь к окну, спросил Семён. На него смотрели глаза взрослого мужчины, прямой нос, продолго-

ватое лицо...

– Левон, – произнёс Семён, моргнул и... никого.

Протерев глаза, он включил в кабинете свет и пошёл в гостиную.

– Марин, чайку налей, засыпаю.

– Ложись спать, поздно уже.

– Нет, чуть позже. Ещё отцовские бумаги полистаю.

Разместившись за письменным столом, Семён продолжил читать.

«И все же о Левоне дошли до наших дней отрывочные, неопределенные сведения. Кое-где утверждалось, что Левон был сослан в эти края за какую-то провинность, но под надзором не состоял. Другие же источники говорили, что он ушел сам из родительского дома, где не приняли его невесту. Сам же Левон о себе рассказывал мало, отсюда и разные толкования о нем».

После прочтения очередного абзаца, Семён посмотрел на окно, осмотрел комнату. Всё в порядке, никого. Интересно, что это было? Видение или действительно начал засыпать.

– Ах, да, – выключил настольную лампу.

Мягкий свет свечи заполнил пространство кабинета, границы помещения ушли в бесконечность. Опять стало уютно...

... – Что за шум? – спрашивал сиплый мужской голос.

– У Левона наконец-то сын родился, Яков! – прозвучал

ответ...

Семён тряхнул головой.

– Что за чёрт! Сплю что ли? Так, где это. А, вот: «... в семье у Левона долгое время рождались одни девочки, и только в зрелые годы его мужественное лицо озарилось несказанной радостью – родился в семье сын. Родился он в минуту, когда по русской земле прокатился слух о нашествии француза на Россию. Мальчика назвали Яковом».

Откинувшись на спинку стула, Семён внимательно осмотрел окно, пытаясь что-нибудь рассмотреть в темноте. Потом прислушался, отхлебнул из чашки чаю.

– Ну, с ума не схожу. Но что-то происходит.

И тут взгляд остановился на подсвечнике. Осторожно погладив кручёный металл рукой, Семён задул свечу. Свет погас, но дым от свечи, казалось, светился, и за его завесой открывалась картина – за столом сидел мальчик лет восьми и что-то писал гусиным пером, рядом стоял крупный мужчина и внимательно смотрел на мальчика.

Свет включённой настольной лампы разогнал видение.

– Так, так. Ну-ка, что там дальше написано у отца?

«Яков рос смышленным ребенком. Родители, умевшие читать и писать, стремились научить и его грамоте».

– Что же это получается? Нет. Бред. Такого не может быть. Всё. На сегодня хватит.

Встав из-за стола, Семён направился к двери и остановился. Медленно и осторожно повернулся и посмотрел на под-

свечник.

– Вот ты какой? Посланник предка. Что ты можешь? Или вернее, что ты хочешь мне рассказать?

Утром за завтраком Семён завёл разговор о подсвечнике.

– Марин, а ты знаешь, ведь у моего предка Якова любовь к металлу была видимо с детства.

– С чего это ты взял? Прочитал у отца?

– Нет. Просто подумал. Чтобы такой простой предмет, как подсвечник, сделать явно с любовью, это должно глубоко сидеть в душе кузнеца.

– Наверное, отец у него был кузнец.

– Левон? Нет, – Семён встал и направился к лестнице на второй этаж, – не был Левон кузнецом. Не был.

«Любил Яков еще с детства смотреть, как в горне бушует пламя, как крепкий металл начинает краснеть, а затем под молотком умелого кузнеца становился податливым, мягким и превращался в нужную вещь. Местный кузнец приметил у Якова эдакую страсть к металлу и разрешал ему раздуть горн, подержать какой-либо инструмент, а иногда и стукнуть раз-другой по раскалённой заготовке».

– Вот оно. Так и есть, – за окном по газону бегала внучка. – С детства у него интерес к необычному делу появился.

Посмотрев на небо, Семён с досадой подумал, что до вечера ещё далеко. Ему очень хотелось вновь попробовать «фо-

кус» с подсвечником. Но впереди был ещё целый день. Надо было заняться каким-нибудь полезным делом. Вспомнил! За домом лежали напиленные дрова, надо бы поколоть.

– Сёма, а сколько лет было Левону, когда у него сын родился? – спросила жена, проходившего мимо мужа.

– Тридцать восемь. А что?

– Поздний ребёнок.

– Нормальный. Девки были одни до него. А это ты к чему?

– Да, так. А Яков твой, когда женился?

– В двадцать три, жену Полиной звали, – Семён смотрел на Марину с удивлением.

– А у него первый ребёнок, когда родился?

– А вот этого я пока не знаю. Ещё недочитал. Какие-то вопросы у тебя странные?

– Почему странные? Так, поговорить охота.

Намахавшись топором, Семён сидел и отдыхал у небольшого пруда. Шум искусственного водопада расслаблял. Вылетая из под большого камня, вода падала вниз на плоский плиточник, и далее причудливым образом, несколькими водяными змейками, устремлялась через каскад камней к поверхности пруда. Словно живые создания, извиваясь между камней, «змейки» разными путями стремились к объединению. И то ли удар падающей воды о камень, то ли шелест невидимых чешуек, которыми водные змейки задевали о камни, пробираясь между ними, производили приятное

успокаивающее действие.

Солнце давно ушло за горизонт, стало темно. Почувствовался запах табачного дыма. Семён встал, покрутил головой, принюхался.

– Нет, показалось. У нас и не курит никто.

Пошёл к дому. На пороге его опять остановил запах дыма.

– Марин, у нас кто-то курил?

– Нет! – Марина ответила и странно посмотрела на мужа.

– Странно. Показалось, наверное. Ладно. Пойду в кабинет. К чаю позовите.

Совершив новый ритуал, зажжение свечи в подсвечнике, Семён выключил настольную лампу и сел за отцовские бумаги.

«Особенно многолюдно было в доме зимними долгими вечерами. Левон, склонившись над заготовками, шил шубы, тулупы, зипуны, а пришедшие мужики рассаживались по лавкам, дымили табаком и любовались ловкими движениями его рук. Порой качали головами – удивлялись, как это он своими ручищами умудряется так ловко работать маленькой иглой...

Открылась дверь и в дом вошёл крепкого телосложения молодой человек. Снял тулуп и повесил его в углу.

– Вот и Яков пришёл с кузни, давайте вечерять, – засуетилась женщина.

Мужики, как по команде, встали с лавки, попрощались с хозяевами и друг за другом вышли.

Навстречу Якову побежали две маленькие девочки, обняли отца, после чего одна повернулась и произнесла:

– Дедушка, пошли чай пить...

Семён очнулся. Внучка стояла в проёме двери и странно смотрела на деда.

– Что, спишь?

– Вроде нет. Хотя, кто его знает.

Дед с внучкой спустились в гостиную. В голове у Семёна крутилось увиденное и услышанное.

– Марин, – войдя в зал, произнёс он, – а у Якова-то, тоже были сначала дочери.

– Так и должно быть, – Марина разливала по чашкам чай, – сначала нянька, а потом, лялька.

– Ну да, – Семён заглянул в листок, принесённый с собой из кабинета. – Вот слушай: «В 1851 году у Якова родился сын. То-то в доме было переполоху. Все бегали, суетились, радостный отец принимал поздравления близких и знакомых. С гордо поднятой головой ходил дед, он не расточал слов радости и восхищения, но всё в нём говорило, что появлению внука он был несказанно рад. Новорожденного назвали Сергеем. В честь рождения сына Яков сковал подсвечник, в виде трёх роз, связал их крепко-накрепко стальным шнуром и вручил жене».

– Это значит, Якову было..., – Марина задумалась.

– Тридцать девять и подсвечник всплыл, – подытожил Семён.

– Ну, один в один. У его отца две девочки и потом сын в тридцать восемь, и у сына – две дочки, а затем в тридцать девять сын.

– Да. Интересно. Ну, давайте чай пить. Что у нас там к чаю есть?

– Пирог испекла.

– Отлично!

– А что там дальше написано? – Марина прищурила глаза.

– Интересно?

– Да. Тем более, что это было очень давно.

– Ну, хорошо. Вот тут, кстати, о Сергее написано: «К двадцати годам он был неоценимым помощником отцу и деду, выполняя работу в поле и дома. В летние месяцы теперь они уже вдвоём с дедом рубили камень, строили из него односельчанам различные хозяйственные постройки, а в зимние вечера – портняжничали. Бегал к отцу в кузницу смотреть на работу, но интереса к этому делу у него так и не появилось».

– А о Сергее подробнее что-нибудь есть?

– Да, – Семён пальцем водил по написанным строчкам, – вот: «Сергей вырос, возмужал и окреп. Он во многом походил на деда, такой же высокий, широкий в плечах, прямой с гордо поднятой курчавой головой. Лицом чист, внимательные голубые глаза, спокойный в мать, он выглядел симпатичным юношей, и уже не одна девица при встрече опускала глаза, покрываясь румянцем». Ну, ладно. Пойду в кабинет

почитаю.

Подходя к кабинету, Семён ощутил запах ладана. Открыл дверь и сердце «ёкнуло». На столе в подсвечнике горела свеча, а за подсвечником стоял гроб, в котором лежал крупного роста покойник с большой бородой. Послышался тихий плач. Посмотрев по сторонам, Семён повернулся к столу, но кроме свечи в подсвечнике и стопки бумаг на столе ничего больше не было. Он уже не удивлялся. К видениям начал привыкать.

– Неужели Левон? – задала сам себе вопрос, и стал внимательно вчитываться в текст рукописи.

«Весной 1872 года дед Левон слег и через две недели его не стало. Прожив долгую, наполненную хорошими делами жизнь, он до последних дней оставался нужным семье и обществу человеком в семье и обществе. Его богатейший опыт был нужен людям, и он не скупился на доброту, был удивительно терпеливым учителем, передавая свой богатейший опыт людям. Память о могучем Левоне сохранилась среди односельчан. Пережив жену почти на десять лет, не будучи обузой, он умер в возрасте 98 лет».

Марина закончила мыть посуду и собиралась идти укладывать спать внучку, как в гостиную вошёл Семён и заявил:

– Сергея в армию забрали, – сглотнул и добавил, – на двенадцать лет.

– Кого? – испуг был явно написан на лице супруги.

– Прадеда моего. В армию. В 1873 году.

– Да ну тебя. Ты со своими предками до инфаркта доведёшь.

– Нет, ты прикинь. Дед Левон умер, Якову шестьдесят один год. Немолод, да? Сергей не женат и на двенадцать лет в сапоги.

– Ничего. Ты же здесь. Значит, всё образовалось. В вашем роду в привычке иметь поздних детей.

– Я думал, ты посочувствуешь моим предкам.

– Сочувствую и жалею. Да, им видимо тяжело было, но мне надо идти Лизу укладывать спать.

Да, эффекта, которого хотел добиться Семён, не получилось, и он вернулся в свой кабинет. На подходе прислушался. Вроде ничего. Взялся за ручку двери и услышал взрыв. Резко открыв дверь, он влетел в помещение... На столе в полной тишине горела свеча в подсвечнике.

– Ну что, чувствую скоро психушку вызывать надо будет.

«Ранним утром 14 июня 1877 года в густом тумане, намного севернее Добрудже, в районе местечка Зимницы, русские войска начали форсирование Дуная своими основными силами».

– Ах, вот оно что...

«Рота, в которой был Сергей, входила в головной отряд генерала Гурко и форсировала Дунай среди первых».

Семён встал и подошёл к окну. Вгляделся в темноту.

– Темным темно и ничего, – как-то нараспев произнёс он.

Вдруг, показалось, что в темноте происходят какие-то движения. Чем больше Семён напрягал зрение, тем чётче ему виделась картина, картина боя. Солдаты куда-то бежали, стреляли, падали. Семён ощутил себя бежавшим рядом с ними. На ходу наткнулся на корчившегося в страшных муках турка и отпрянул от него. Перескакивая через окоп, ткнул штыком в вылезавшего турка и от его крика шархнулся в сторону. И только, когда ротный стал собирать своих солдат далеко от берега, он ощупал руки, ноги, вроде бы все цело, даже не ранен, если не считать, что щиплет щеку и шею. Провёл рукой по щеке и увидел на ней кровь. Ротный и унтер-офицер уже подравнивали солдат в строю. Стоявший рядом спросил:

– Что там у тебя?

– Вот кровь, – сказал он, показывая руку, – малость царапнуло.

– О чем вы здесь? – сердито спросил подошедший ротный.

– Вот, малость царапнуло, Ваша бродь, – подтянувшись, выпалил сержант.

– Перевязать! – бросил, отходя, ротный.

Подошел санитар, отвел в сторону и наложил легкую повязку. На реке еще раздавался шум переправы, а отзвуки боя уже откатывались вглубь территории когда-то захваченной турками. Стреляли орудия, трещали ружейные выстрелы, доносилось русское могучее «УРА!». Плацдарм занят и успешно расширился...

Тряхнув головой, Семён отпрянул от окна.

– Это же надо. Полное ощущение. Так, и что же дальше?

Почитаем...

«К этому времени Гурко своими войсками, взяв в тылу у турок последнюю крепость, завершил полное окружение Плевны. Оказавшиеся без продуктов и снабжения извне и видя, что русские не штурмуют, а благоустройстваются, готовясь к длительной блокаде, Осман Паша сделал попытку прорвать кольцо окружения».

– Опа! Вот это интересно. Увидеть бы! А как это сделать? – Семён пристально посмотрел на подсвечник. – Помоги, ну.

Показалось, что пламя свечи колыхнулось и от металла пошло приятное тепло. Опустив глаза на рукопись, Семён весь ушёл в текст.

«В день, когда турки пошли на прорыв кольца окружения, перед окопами сибирского полка, в каких-нибудь трехстах шагах, в молочном тумане блеснули густые ряды турецких штыков. На русских позициях прозвучал сигнал тревоги, загремели пушки, и турки сразу же ринулись в атаку...»

...Сибиряки стреляли залпами. За то короткое время, пока турки пробежали сотню шагов, по ним было сделано несколько залпов. Будь это обыкновенная атака, ее бы остановил этот огонь. Но людская масса, несшаяся на русские позиции, была так огромна, что не могла остановиться. Одни падали, другие перебирались через тела убитых и шли

вперед, передние опять падали, сзади напирали все новые и новые ряды турок, торопясь выскочить из-под артиллерийско-ружейного огня. Толпа навалилась на русские окопы. Здоровые отхлынули назад во вторую линию окопов, а раненые были растерзаны, раздавлены напиравшим врагом. Турки почти не стреляли, они изо всех сил рвались дальше, быстрее вырваться из этого крошечного ада. И вот уже волна их докатилась до гребня второй линии, здесь упорство русских еще увеличилось.

Семён почувствовал, что левая рука немеет и плохо слушается. Напор противника не ослабевал, некогда было оглядеться. В гуще боя, когда русские солдаты в рукопашной схватке удерживали свои позиции, где-то сзади грянуло русское «УРА»! Значит, пришла подмога. Вдруг удар в грудь, земля ушла из-под ног, и он куда-то провалился...

Не хватало воздуха. Семён резко и глубоко вдохнул и услышал треск горящей свечи.

– Ну, спасибо! – обращаясь к подсвечнику, ещё раз глубоко вдохнул. – Удружил. Я думал всё, убили.

Придя в себя, Семён обратился к рукописи.

«Очнулся Сергей среди раскинутых палаток, кругом стоны, страшно хотелось пить. Позвал несколько раз, но никто не подошёл. Он вновь впал в забытие. Очнулся, когда его перевязывали, понял, что лежит в палатке на длинном столе. Резкая боль пронзила грудь, и он опять потерял сознание. На второй день, когда Сергей окончательно пришел в себя,

его повезли в тыл и поместили в госпиталь, расположенный в Кишиневе».

– Ну и отлично, – спокойно вздохнул Семён.

– Что тут у тебя? – раздался тихий голос Марины.

– Всё нормально. Читаю.

– И как там твой прадед в армии?

– Всё в порядке. Двенадцать лет отменили, заменили шестилетней службой. Под Плевной ранили пулей в руку и штыком в грудь, – отчеканил Семён.

– Ну?

– Вот те и ну. Серьёзно. Да, ещё интересно. Когда вернулся домой, после ранения, то стал курить трубку, кривую такую. Иди сюда. Вот, смотри. Здесь о том, как он вернулся домой.

«С возвращением Сергея в доме, казалось, не прекращался праздник. То и дело приходили соседи посмотреть на солдата, послушать его рассказы об увиденных им странах, о тамошних народах и их обычаях. Говорил о себе мало и с небольшой охотой, зато с увлечением рассказывал о Бессарабии, Румынии и Болгарии. Посасывая свою трубку, он повествовал о трудолюбии народов, о любовном и бережном отношении к земле, к природе. С упоением рассказывал о том, как ухожена в тех краях земля и какие на ней выращивают овощи, зерновые, сколько там фруктовых садов. Мужики, кряхтя, чесали затылки, порой односложно и невнятно, произносили: «гляди...», «вот как...», «м-да...», «на-

до же... , а мы-то».

– Счастье и праздник, – Марина стёрла со щеки слезу.

– И женили ведь его. На сироте, Евдокии Сергеевне. Это известно точно.

– А... – Марина не успела задать вопрос.

– Двадцать семь, – Быстро проговорил Семён. – Ему было двадцать семь лет.

– Да я не про это. Про сироту. То есть про невесту.

– У дяди своего воспитывалась. Вот у отца что написано: «Сирота воспитывалась у своего дяди. Вся ее жизнь в чужом доме глубоко отразилась на ее характере. Тихая, скромная, умеющая быть полезной в любом деле, она к тому же отличалась душевной лаской и простотой».

– Понятно.

– Да. Вот, а через два года родилась дочка. Сестра моего деда. Баба Феня. Я маленьким был, видел её.

– Опять девочка первая.

– Ну, что же делать. Генетика, – засмеялся Семён.

– Да, только вот отец твой выбился из стаи.

– Но ведь, я же вернул всё на своё место. У нас тоже две девочки. После Фени, через шесть лет, родился сын, назвали его Фёдором. И как пишет отец о Сергее: «А на следующий день он уже угощал в кабаке товарищей, напоив их до отвала».

– По всем законам должно быть две девочки.

– Именно. Так и было. Через девять лет, после сына, ро-

дилась ещё дочка, Акулина. Прадеду в то время было сорок пять лет. Всё по плану.

– Ну, а дед-то твой, где в этой схеме, – проявляя нетерпение, спросила Марина.

– А с дедом всё ещё интереснее. Феню выдали замуж. И представляешь... нет, давай прочитаю.

«Осенью 1901 года в новой семье ожидали прибавления. Ждали прибавление и в доме Леоновых, Евдокия Сергеевна была в „положении“. Так случилось, что мать и дочь одновременно готовились стать матерями».

– Да, сюжетец, – Марина села рядом с мужем. – И как там дальше.

– А вот дальше, не совсем хорошо получилось. Слушай. «В конце сентября Феня родила девочку, назвали ее Лушей. В ночь под Дмитриев день, с 7 на 8 ноября, начались роды у Евдокии Сергеевны. Роды были очень тяжелыми и бабка-повитуха, принимавшая роды, новорожденного мальчика спасла, а мать спасти не удалось. Новорожденного, родившегося под Дмитриев день, назвали Дмитрием, а чтобы ребенок выжил, пришлось Фене, кормившей двухмесячную Лушу, взять к себе и маленького братишку. Вот и росли они вместе, как двойня, вскармливаемые одной грудью».

В комнате повисла тишина.

– Ладно, иди, я ещё прочитаю.

Марина тихо встала и вышла из комнаты. Семён, оставшись один, смотрел на отражение свечи на оконном стекле.

Игра света и тени рисовала причудливую картину – на фоне заката солнца в поле стояла одинокая тёмная фигура. В голове у Семёна, самым непостижимым образом, звучали строки из ещё непрочитанной рукописи: «... он уходил от людей, всюду искал одиночества. Выходил во двор, но и здесь многое напоминало о Дуне. Тогда уходил за село и медленно брел по размытой осенними дождями дороге, пока не становилось совсем темно. Поворачивал обратно, заходил к дочери взглянуть на сына и медленно брел к дому».

Семён обратил внимание на то, как заиграло пламя свечи. То вспыхнет, а то вдруг уменьшится до предела, и так стало происходить постоянно. Взглянул на саму свечу – она ещё и наполовину не сгорела. Исходя из всех странностей двух вечеров, Семён понял, что происходит что-то неординарное. Обратился к тексту.

«Теперь вся нагрузка по дому легла на уже некрепкие плечи бабушки Поли, ведь в доме остались практически одни мужики. К тому же дед Яков за последний год как-то резко сдал. Он и ростом стал ниже, могучие узловатые руки висели плетьюми, а смерть Дуни подорвала остатки сил. Когда-то труженик-непоседа, теперь он отошел от всех домашних и мирских дел. Если же когда и выходил во двор, то лишь за тем, чтобы „закутать“ скотину».

– Ну, этого и следовало ожидать, – произнёс Семён и обратил внимание, что свеча начала гаснуть. Опустил глаза и стал вчитываться в текст.

«Годы упорного нелегкого труда, плюс „приобретенные“ болезни постепенно сделали свое. И все же Яков Левонович прожил долгую наполненную полезным трудом жизнь. Умер он в конце августа 1902 года в возрасте девяноста лет»...

Стало темно. Свеча погасла.

Семён нащупал выключатель настольной лампы и включил свет. Взял спички и попытался зажечь свечу. Парафин плавился, но фитиль загораться не хотел. Вынув свечу из подсвечника, он повторил попытку. Свеча загорелась ровным полноценным пламенем. Семён аккуратно водрузил свечу в подсвечник и пламя тут же погасло.

– Вот ещё незадача, – проговорив это, повторил всю комбинацию со свечёй и подсвечником. Результат был тот же.

– Ну, вот и всё, – с сожалением произнёс Семён. – Закончено повествование, погасли свечи.

Взяв в руки подсвечник, он медленно покрутил его, осматривая внимательно со всех сторон, поставил на книжную полку и, обращаясь через подсвечник к своему предку Якову, сказал:

– Спасибо тебе! Я всё понял. Твои потомки никогда не забудут всех вас.

После произнесённых слов, Семён погасил свет и тихо, стараясь не потревожить никого из «присутствующих», вышел из кабинета.

2016, ноябрь

ПЕРЕГОВОРЩИК

– Как же достали эти муравьи, – жена салфеткой смахнула нескольких муравьёв со стены. – Они уже везде и ничего их не берёт.

– Я китайским карандашом от муравьёв уже все плинтусы промазал, – поддержал возмущение супруги Семён.

– Плевали они на твои карандаши. Вон уже до твоего мёда добрались.

– Ну, это они, конечно, зря. Конкуренентов не потерплю.

– Надо подумать, как с ними бороться.

Жена ушла с кухни, а Семён «залез» в Интернет в поисках универсального средства борьбы с домашними муравьями. Поблуждав с полчаса по просторам Интернета, Семён отключился от всемирной сети и задумался. Мыслей не было.

И вдруг вспомнил, что когда-то читал о том, как один человек договорился с тараканами и те ушли из его дома. Сказка? Красивая выдумка? А что, а вдруг? Стала выстраиваться цепочка. Мы все дети природы, а значит, на каком-то уровне связаны вместе, и почему бы нам, действительно, не договориться об условиях сосуществования. А как договориться?

Семён встал и подошёл к окну. С высоты десятого этажа он хорошо видел засаженный деревьями двор, перелетающих с ветки на ветку воробьёв, пробегающих по двору кошек и собак.

– Вот они живут же вместе и без претензий друг к другу. Договорились?

Семён подошёл к стене и посмотрел на муравьёв, бегущих по ней, те дружно передвигались друг за другом. Он решил поговорить с ними.

Надо верить в то, что говоришь. Верить искренне, так сказать, душой, тогда возможно это и станет той связующей нитью, по которой можно дойти до их сознания или инстинкта.

Семён выпрямился, покрутил головой по сторонам.

– Хорошо, что никто не слышит, а то, точно в психушку отправят.

Сев на стул, он повернулся лицом к стене, по которой бежали деловые муравьи. Прикрыл глаза и представил, как он бежит по стене рядом с ними. Просидев так около минуты, у него сложилось впечатление, что он на кухне не один, что рядом с ним, действительно, присутствует ещё кто-то. В голове струной была натянута одна мысль – главное верить.

– Муравьи, добрый вечер! – тихо, практически шёпотом, заговорил он с муравьями. – Я понимаю, что вы ищете себе пищу, чтобы выжить, но вы пришли на мою территорию, и мешаете мне жить.

Семён сглотнул слюну.

– Дом большой, еды много, хватит всем. Давайте договоримся. Я прошу вас покинуть мою территорию и перейти на другую. Я очень прошу вас. Спасибо!

Дипломатический раунд был завершён. На висках капель-

ки пота, ладони горячие, сердце стучит, а муравьи продолжают своё движение. Он встал и ушёл с кухни.

На следующее утро с кухни донёлся голос жены.

– А муравьёв-то нет. Видимо всё-таки китайский карандаш наконец-то подействовал.

– Нет, это я с ними договорился, – заметил Семён, входя на кухню, и рассказал жене о вчерашнем сеансе. Но она не поверила, посмеялась и ещё больше уверилась в практической изобретённых средств уничтожения живого на Земле.

Семён спорить и доказывать ничего не стал. А вдруг, действительно, химия одолела трудяг мурашей, и те покинули отравленную территорию.

Вскоре Семёну выпал случай опробовать свой способ договариваться с братьями нашими меньшими на даче.

– Ну что же он делает гад, все цветники мне перерыл!

Недовольство жены было вызвано действиями крота на дачном участке. Эта землеройная машина прошлась точно под корнями роз.

– Как бы его прогнать? Каждое утро копает.

– Живёт он здесь, – улыбался Семён.

– Ты не смейся, а что-нибудь давай придумай.

– Может договориться?

– Мне всё равно, он уже достал, по полной программе. Давай, давай! Не улыбайся, переговорщик.

– Как? Переговорщик? Хорошо, попробую.

Выбрав момент, когда все были в доме, Семён подошёл к розам, присел на корточки и посмотрел на свежую горку земли. Он постарался представить подземные ходы и работающего там крота.

– Крот, привет! Ты что же делаешь? Зачем ты всё время под этими розами копаешь? Тебе что, земли мало? Я тебя очень прошу, не копай здесь больше. Надеюсь на твою порядочность. Спасибо!

Как ни странно, крот здесь перестал копать, но продолжил в других местах.

– Сёма, ты что-то там насыпал? Крот больше не роет.

– Я с ним договорился.

– А ты не мог договориться с ним, чтобы он удалился с нашего участка?

– А вот это нет. Он здесь живёт, и совсем его выгнать я не могу. Это уже будет насилие.

– Ага. Тогда договорись с комарами и мошками, чтобы нас не кусали.

Семён немного подумал.

– Тоже не выйдет.

– Это почему?

– Это хищники, каждый сам за себя. Если бы они жили в коллективе, то шанс был бы, а так, чистейшей воды эгоисты. А с эгоистами джентльменского договора быть не может.

Через несколько дней кот притащил домой крота. Крота

у него отобрали и Семён, чтобы не брать грех на душу, понёс его за дачный участок в поле.

– Мы же с тобой договаривались, – обратился он к кроту. – Зачем ты пришёл к цветам? Я тебя сейчас отпускаю, но если опять попадешься..., тогда брат не взыщи.

С этими словами крот был отпущен. Как только он коснулся земли, заработал отлаженный механизм копания, за считанные секунды зверёк исчез под землёй. Семёну показалось, а может быть и не показалось, что из норки выглянула мордочка крота.

– Ладно, не благодари.

Семён пошёл в сторону своего участка и подумал, а не чушь ли это всё.

– Да нет, не чушь, – громко сказал и засмеялся.

2018, июль

ДИСЦИПЛИНА

– Зима какая в этом году снежная, – Марина стояла у окна и смотрела на улицу. – Вот только в городе она не так красива, как в деревне.

– Отличная мысль! – Семён подошёл к жене.

– Какая мысль? Я говорю красиво, снега много, он идёт уже четвёртый день.

– И я о том же. Надо ехать на дачу.

– Сёма, какая дача? Там дети и внуки отдыхают.

Семён нахмурил брови и задумчиво произнёс:

– И никто из них не служил в армии.

– А причём тут армия? – Марина внимательно посмотрела на мужа. – Сёма, ты в порядке?

– Я-то да, в порядке, а вот они там, в деревне не в порядке, потому что в армии не служили. Я имею ввиду обоих зятьёв. И не смотри так на меня, я полностью в здравом уме и трезвой памяти. Давай собираемся и поехали к ним.

– Тогда ребят надо предупредить.

– Нет! Не надо. – Хитро прищурился, добавил – Позвоним за полчаса до прибытия и тогда я тебе покажу, в чём недостаток того, что они не служили в армии.

Сборы были скорые, потому что особенно-то и собирать было нечего. Как и решили раньше, за полчаса до подъезда

к деревне Марина позвонила старшей дочери:

– Верочка, здравствуй! Как вы там?

– Мам, здравствуй! У нас всё нормально, смотрим телевизор.

– Мы через полчаса будем у вас.

– Ой, а чего раньше не предупредили?

– А чего вас тревожить. Давайте, до встречи.

Закончив разговор с дочерью, Марина посмотрела на мужа.

– Думаю, минут через пять – десять позвонят, – улыбаясь, сказал Семён.

– С чего это?

– Так, размышляю вслух.

Минут через десять в мобильном телефоне зазвучала мелодия звонка.

– Да, Верочка.

– Мам, вы не проедете, снега много, а трактор в деревне сломался.

– Там снега полно и трактор сломан, – Марина говорила Семёну в полголоса.

– Доедем, – опять улыбался Семён.

– Дед говорит, доедем.

– Ну ладно, давайте, доезжайте.

Разговор закончился.

– Сёма, а мы там не застрянем?

– Народу там много, целых два мужика, правда, в армии

не служили.

– Да далась тебе эта армия!

Въехав на свою улицу, внедорожник, гудя от повышенной нагрузки, стал зарываться в глубокий рыхлый снег и от него, как от корабля, расходились в стороны белые волны снега. Не доехав до дома метров пятьдесят, пришлось остановиться, машина зарылась в снег и дальше не могла ехать. Около дома два зятя, две дочери и внучка, работая лопатами, расчищали дорогу от снега.

– Ну вот, приплыли, – заключил Семён, заглушив машину. – Пошли.

Выбравшись из машины, оба прибывших, утопая по колено в снегу, направились к детям.

– С приездом! – громко, чтобы было слышно всем, поприветствовал зять Андрей.

– Спасибо! – ответил Семён. – Ну что, пехота, зарылись?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.